

В статье С. М. Стрельникова «Этимологии некоторых жгонских слов» (с. 69—72) проанализирована лексика жгонского условного языка, которым некогда пользовались костромские и нижегородские отходники-шерстобиты. В составе этого ремесленно-торгового жаргона выявлено много финно-угорских, тюркских и других заимствований. В статье приводятся девять новых лексических единиц в жгонском аргоне, которые автор

считает заимствованиями из удмуртского и марийского языков.

В двух выпусках сборника опубликовано 29 статей, из них 11 имеют финно-угорскую тематику. Новое издание Уральского университета вводит в этимологическую практику большой фактический материал в добротной научной обработке и безусловно завоевывает популярность как среди русистов, так и среди финно-угроведов.

АДОЛЬФ ТУРКИН (Таллин)

<https://doi.org/10.3176/lu.1982.3.18>

Х. М. Саари, Анализ принципов эстонской терминологии. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Таллин 1981.

20 января 1982 года в Тартуском государственном университете на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора наук состоялась защита кандидатской диссертации старшим научным сотрудником Института языка и литературы АН ЭССР Х. Саари по теме «Анализ принципов эстонской терминологии». Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор П. Алвре (Тарту) и кандидат филологических наук С. Казепалу (Тарту).

Эстонский литературный язык имеет вековые традиции, чего нельзя сказать о языке науки и техники как его подъязыке. К организованному и систематическому созданию эстонской терминологии, призванной обслуживать разные отрасли науки, приступили лишь в начале этого века. По сравнению с финнами, которые сумели сформировать терминологию основных специальностей уже в прошлом веке, отставание в тот период было весьма заметным. Современное состояние эстонского языка науки и техники характеризует наличие множества терминологических словарей, лексика которых активно употребляется как в специальной литературе, так и в вузовском преподавании на родном языке. Однако поскольку терминологии любой отрасли науки, как и общенародному языку, свойствен постоянный процесс обновления, терминовтворчество, если оно хочет отвечать требованиям современности, должно базироваться на определенных принципах. До сих пор это в той или иной мере осозна-

валось, но детальный анализ принципов эстонской терминологии впервые сделан в рассматриваемой работе.

Исследование Х. Саари «Анализ принципов эстонской терминологии» (216 машинописных страниц) состоит из введения, двух глав, заключения, приложений и списка литературы.

Из введения выясняется, что автор долгие годы занимается проблемами эстонской терминологии, о чем свидетельствует и приложенный к работе перечень его трудов периода 1963—1981 годов. Точно определены цель многогранного исследования и то, что составляет его основную новизну. Х. Саари предложил ряд новых решений по таким существенным проблемам, как лингвистическая сущность научно-технического термина и его положение среди прочих единиц языка науки и техники (с учетом особенностей структуры эстонского языка); роль дефиниций и толкований иных типов в терминологии; сущность точности терминов; отношения термина, терминологического поля (терминосистемы) и конситуации; лингвистическая суть способов достижения компактности (синтаксической компрессии) единиц эстонского литературного языка, в том числе терминов (соответствующие явления диссертант обобщает при помощи понятия «полисинтетизм»); проблематика частей речи и словообразования по гнездам в эстонской терминологии; отношение терминологических списков к действительному составу терминосистем разных специальностей; характер синонимии в языке науки и техники с учетом грамматико-

стилистических особенностей эстонского языка; проблематика синонимических пар, состоящих из инородного (интерлингвального) и своеязычного терминов; лингвистическое и логическое отношение между названиями, которые выражают разные смысловые значения, но обозначают один и тот же предмет. По-новому подходит он и к таким вопросам, как литературная норма в качестве основы кодификации и критерия правильности речи (вопрос о реалистическом идеале языка); сущность ортологических принципов, или критериев нормы, и основные характеристики их комплектов; сущность и состоятельность отдельных ортологических принципов, имеющих значение для эстонской терминологии; проблематика инородного лексического фонда эстонского языка.

В первой главе «Общеортологическая часть» (с. 12—57) прежде всего выясняется значение таких понятий, как терминология, ортология, культура речи и др. Ортология получила более объемное содержание, чем обычно, поскольку здесь она охватывает как правильность речи, так и упорядочение языка. Приведены удачные примеры единства и специфики ортологии в разных языках, напр., рус. *электронная вычислительная машина* и эст. *elektronarvuti* (не *elektrooniline arvutamise masin* и т. п.). Эти термины имеют одинаковую информативность, однако русскому термину-словосочетанию в эстонском языке соответствует сложное слово, где к тому же семантику слова *машина* передает суффикс неодушевленного агента *-i*. Приведенное показывает, как неверно переносить механически принципы терминотворчества одного языка в другой и как необходима самостоятельная разработка принципов эстонской терминологии. С другой стороны, это никак не означает пренебрежения достижениями других языков в области ортологии и терминологии.

Относительно нормы автор разработал свою концепцию (типы А, В, С), центральное место в которой занимает реалистический идеал (норма С). Последний представляет собой критерий правильности кодификации языка. Норма С как реалистический идеал является, иными словами, представлением о том, каким следует развиваться языку. Естественно, здесь возникает вопрос, насколько можно объективно и правильно познать такие

потребности, избегая все субъективное, что может на практике стать источником промахов и ошибок.

При оценке ортологических принципов Х. Саари выделяет иерархизацию, относительно критериев применения которой еще не достигнуто единого мнения. Из традиционных эстонских ортологических принципов анализируется прежде всего принцип самобытности. Научное обоснование последнего автор дает, выводя принцип самобытности из сущности нормы С (базирование на существующем языке) и функции языка как социальной памяти. Принцип самобытности существен и с точки зрения общенародной приемлемости текстов. Один из аспектов принципа народного языка (принципа народности) тоже вытекает из сущности нормы С как реалистического идеала, ее базирования на норме А. Согласно этому аспекту, оправдано пополнение литературного языка различным материалом диалектной и разговорной речи. В терминологии плодотворно придавание специального значения диалектному слову и приспособление и распространение его в одной отрасли науки, техники или промыслов (тип *noidlema* 'подкрадываться (к дичи)'). Не следует пренебрегать и моносленгизмами в непосредственном или приспособленном виде, поскольку это слова, у которых отсутствуют достаточно пригодные синонимы в «чистом» литературном языке (тип *rups* < *rupskid* 'субпродукты').

В качестве аспектов народности рассматриваются также связь с понятием культуры как общенародного достояния и демократичность литературного языка. Автор правильно подчеркивает, что последняя тормозит чрезмерный отрыв литературного языка от общенародной речевой практики и гарантирует общенародную понятность литературного языка. Отсюда вытекает и терминологический принцип, согласно которому употребление слова в языке специальности не должно семантически или формально находиться в прямом противоречии с употреблением его в общем языке. С этими и другими основными положениями, касающимися терминологической работы, в полной мере можно согласиться, их подтверждает и многолетняя практика эстонского языка науки и техники.

В интересах точности автор счел не-

обходимым термин Й. В. Вески *системность* заменить *регулярностью*. Системность представляет собой основное свойство языка и в этом смысле не может быть ортологическим принципом. Игнорирование требования регулярности привело к появлению в речевой практике нерегулярных производных и сложных слов: *siirdama* 'производить трансплантацию', *kooperatiivkool* 'кооперативная школа', *kuurortmaks* 'курортный налог'. Следование же стандартным моделям заимствования помогает избежать ненужного соревнования таких вариантов, как *kiberneetika* и *küberneetika* 'кибернетика'.

Х. Саари приводит еще один ортологический принцип, который в истории развития эстонского литературного языка мало использовался, а иногда и совсем забывался — принцип дистинктивности. К сожалению, в работе отсутствуют иллюстрирующие его примеры на эстонском языке. В отношении применения историко-лингвистического принципа Х. Саари занимает разумную позицию: крайнее проявление его заслуживает осуждения, однако ортологу необходимо знание истории языка как фон.

Некоторые авторы в качестве самостоятельного принципа выдвигали обогащение языка. В современной эстонской терминологии он означает охват все большего числа областей науки и техники упорядоченными и достаточно детализированными терминами.

Автор разработал и основные черты учения об инородных элементах языка. Широко распространено мнение, что к более далекому источнику (интернациональному материалу и т. п.) при обогащении языка следует обращаться только в том случае, если в ближайших источниках (напр. в диалектах и родственных языках) подходящего элемента нет. Х. Саари же убедительно утверждает, что в действительности эта схема не соблюдается. В большом количестве вошли в употребление комбинации инородных и своеязычных слов, напр., *reliktjärv* 'остаточное озеро', *tehnovõrgud* 'инженерные сети', *fotoakordisti* 'фотоэлектронный умножитель' и др. Во многих случаях, особенно в качестве компонента-определения, доминирует интерлингвальный элемент.

Вторая глава «Специально-терминологическая часть» (с. 58—160) начинается с выяснения и уточнения ряда понятий.

Большое внимание уделено понятию *термин*, которое разными авторами дефинируется по-разному. Х. Саари убедительно показывает, что специфика эстонского языка требует включения в термины наряду со словами и словосочетаниями определенных частей слов — компонентов сложных слов, напр., *juht-* (ср. *juhtiv* 'управляющий'), *absoluut-* (ср. *absoluutne* 'абсолютный') и т. д.

Основными признаками единицы языка науки и техники следует считать номинацию и принадлежность к определенной специальности. Открыть содержание термина в словарях помогают «ограничительные объяснения»; этот способ в практике эстонской специальной лексикографии успешно применялся в 1970-е годы. Точному пониманию значения слова, по Саари, способствует не только контекст, но и вся конситуация. Можно присоединиться к его мнению, что если между термином и словом общего языка возникает отношение омонимии или антонимии, то это необходимо считать серьезной терминологической ошибкой. Точность термина анализируется в работе как в сигнификативном, так и в коммуникативном аспекте; анализ сопровождают удачно подобранные примеры: *värvus* 'цвет' — *värv* 'краска; цвет'; *korrus* 'этаж' — *kord* 'раз; пласт; этаж' и др.

При разработке явлений полисинтетизма эстонского языка отдельно рассматриваются, с одной стороны, синтаксические отношения между компонентами полисинтетических единиц, с другой, формальные явления при образовании этих единиц. При трактовке синтаксических отношений выделено своеобразие таких терминов, как *biopuhasti* (не рекомендуется *bioloogiline puhasti*) 'сооружение биологической очистки', *demoplahvatus* (не рекомендуется *demograafiline plahvatus*) 'демографический взрыв', *kemolaser* 'химический лазер' и др. Эстонским терминам вообще свойственны компактность и связанная с ней краткость как свойство, которое считается необходимым для современных терминов: *kaalutud kaup* ~ *kaalutav kaup* → *kaalukaup* 'развесной товар', *relvastatud jõud* → *relvajõud* 'вооруженные силы' и т. д. Для удовлетворения этого требования годится даже «голый» корень слова, напр., *libi-samm* 'скользящий шаг' (ср. причастие *libistav*), *haju-valgus* 'рассеянный свет', *hajaküla* 'дерев-

ня с разбросанными домами' и т. д.

Из частей речи в качестве объекта для детального анализа избраны глагол и отглагольные производные слова. В разделе, посвященном синонимии, обстоятельно анализируется удельный вес пар своеязычных и инородных слов в терминологии. Хотя в языке должны быть и те, и другие, в эстонском языке своеязычные слова часто более точны и кратки. Если же своеязычное слово длиннее, бросается в глаза его лучшее «самотолкование». Анализ положительных и отрицательных сторон инородного и своеязычного слов как аллоформ термина в работе проведено детально и таковым впервые в эстонской лингвистике.

Г. В. Федюнева, Словообразовательные суффиксы существительных в коми языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Тарту 1982.

28 января 1982 года на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора наук в Тартуском государственном университете состоялась защита Г. В. Федюневой кандидатской диссертации «Словообразовательные суффиксы существительных в коми языке». Официальными оппонентами выступили профессор Д. В. Цыганкин (Саранск) и кандидат филологических наук А. И. Туркин (Таллин).

В последние годы в связи с проблемой специфики слова в различных финно-угорских языках вопросы словообразования и структуры слова приобрели особую актуальность.

Работу Г. В. Федюневой можно рассматривать как определенный итог значительного периода исследований, отражающий достижения коми словообразовательной науки. Автор ставит целью выяснить: 1) место, роль и историю деривационных элементов в процессе именного суффиксального словообразования; 2) специфические характеристики с учетом генезиса коми словообразовательного фонда имени существительного и условия функционирования этого фонда в коми языке; а также дать 3) классификацию и возможно более полное описание словообразовательных элементов, составляющих именную деривационную систему коми

Заключение (с. 161—166) — это не просто резюме изложенного, в нем указаны возможности для дальнейшего развития некоторых центральных проблем терминологии.

В итоге следует подчеркнуть, что работа Х. Саари — это значительное исследование, в котором проблематика эстонской терминологии проанализирована на высоком научном уровне. Филигранно-уточенные рассуждения по сути своей полемичны и тем самым являют весомый вклад в дальнейшее развитие общих вопросов. Исследование дает определенное направление дальнейшей работе по упорядочению и созиданию в области терминологии.

ПАУЛЬ АЛВРЕ (Тарту)

языка. Эти вопросы важны и в плане общей теории словообразования, и в плане практического анализа представленного в работе материала.

Прежде всего автор со знанием дела рассматривает основные исходные элементы морфемки и словообразования, выявляет содержательную сторону словообразовательного значения, обращает внимание на принципиальное отличие словообразовательного типа от словообразовательной модели, что в соответствующей литературе не всегда делается. Словообразовательная модель трактуется ею как «формальный аналог производного слова, учитывающий категориальную характеристику производного слова, словообразовательный формант и отражающий все ступени производности данной лексемы» (с. 17). Интересен подход к вопросу о соотношении синхронного и диахронного изучения словообразовательного фонда как системы. В связи с этим выделим важные исходные положения работы: в анализ включаются как производные лексемы, поддающиеся морфемному и словообразовательному членению, так и обладающие в настоящее время признаками условного и дефектного членения. Относя последние к тому или иному словообразовательному типу, Г. В. Федюнева учитывает возможность их соотнесенности